

Актуальные проблемы лингвокриминалистики как науки

Термин *лингвокриминалистика* имеет три значения: 1) раздел науки о языке, изучающий текст для юридических целей; 2) раздел языковедческой науки, обучающий составлению судебных лингвистических экспертиз; 3) раздел науки о языке, изучающий социолингвистические аспекты криминальной субкультуры.

Некоторые ученые (например, Е.И. Галяшина, Н.Д. Голев) используют термин *юрислингвистика*, понимая под ним первые два значения термина *лингвокриминалистика*. Однако, на наш взгляд, понятие *лингвокриминалистика* включает в себя также анализ элементов *субкультуры криминального мира*: арго, тарабарский и условный язык, клички, татуировки, тайные жесты и мимика, пословицы и поговорки. Лингвокриминалист может использовать знания языковых элементов субкультуры для практических целей: идентификации личности, оперативно-розыскных мероприятий, проведении судебной экспертизы и проч.

Различаются следующие виды экспертиз: индивидуальные, комиссионные и комплексные. Их названия уже сами говорят за себя: индивидуальные выполняет один специалист, комиссионные – два и более эксперта, комплексные – это экспертизы, в которых должно быть в зависимости от характера сложности два и более экспертов, имеющих специальные познания в разных сферах.

В связи со стремлением России к демократии и правовому государству усиливается роль новых дисциплин, связанных с юридическими основами.

Существует мнение, что основная задача лингвокриминалистики исключительно судебные лингвистические экспертизы или идентификация личности по ее лингвистическим особенностям. Но было бы ошибочно полагать, что круг данных экспертиз этим и ограничивается. Практически все спорные вопросы, связанные с языком, могут быть предметом лингвиста-эксперта. Лингвокриминалистика как раздел науки о языке в широком смысле преследует цель изучения текста, в узком понимании – составление

М.А. Грачев

Профессор кафедры судебной экспертизы
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского,
доктор филологических наук

лингвистических экспертиз. «...Право также ищет ответы на многие вопросы в языке» [Голев, Матвеева 2002, 259].

Несомненно, обучение проведению судебных лингвистических экспертиз занимает основную часть при подготовке специалиста-лингвокриминалиста. Но, думается, основы знаний по лингвокриминалистике должны иметь и практические работники правоохранительных органов. Так, исследователь О.Н. Кравчук справедливо считает, что «значительная часть материалов, направляемых для производства фоноскопических экспертиз в ЭКУ ГУВД Нижегородской области, не пригодны для идентификации человека по голосу и устной речи ввиду низкого качества записи». Она считает, что в этом повинна не только слабая техническая оснащенность ОВД, но и неподготовленность сотрудников правоохранительных органов [Кравчук 2002, 16].

Наиболее распространенные судебные лингвистические экспертизы связаны с оскорблением и негативной информацией (защите чести и достоинства), установлением авторства, содержание понятия товарного знака.

На практическое использование лингвистических данных указывает исследователь Е.И. Галяшина. «Специальные познания в лингвистически дисциплинах, – подчеркивает она, – способствуют извлечению из речевого сообщения разнообразных фактологических и личностных данных участников переговоров и другой криминалистически значимой информации» [Галяшина 2003, 17].

Перед лингвистом-экспертом стоит много нерешенных вопросов.

Не будет откровением то, что самым главным в судебных делах об оскорблении является перечень и характер оскорбительных слов. Какие лексемы входят в их состав, в каких случаях они могут быть оскорбительными, а в каких нет, как относятся к жаргонно-арготическим словам-инвективам с точки зрения определенных социальных групп – вот вопросы, на которые должен ответить лингвокриминалист. В книгах «Цена слова» и «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» уже сделана попытка классификации оскорбительных слов, но она нуждается в расширении и уточнении. Как показывает практика работы с правоохранительными органами, последние крайне нуждаются в методических рекомендациях по определению вербального оскорбления, защите чести и достоинства. Им нужны конкретные примеры. Некоторые исследователи-линг-

висты предлагают составить словарь, где «должна быть разработана новая система лексикографических помет (к примеру, *оскорбительное*, *неприличное*, *негативно-оценочное* и пр.), отражающая градацию инвективности» [Матвеева 2002, 54]. Несомненно, такой словарь можно составить. Но тут же возникнет вопрос о реализации данных лексем в контексте и речевой ситуации. Рассуждения выше не означают, что автор статьи против создания словаря инвективов. Наоборот, данный словарь необходим как языковедам, так и юристам. Трудность заключается в приведении к каждой инвективе большого количества примеров, т.е. нужны конкретные иллюстрации, где в одном случае слово может быть оскорблением, а где может выступить в другой функции. Однако эта преграда преодолима: нужно использовать наиболее распространенные речевые ситуации.

Исследователь В.И. Жельвис акцентирует внимание на проблеме «бранного веса слов», «так как понятие оскорбительности ориентировано на слушающего», т.е. в социальных группах одинаковые слова могут восприниматься по-разному [Жельвис 2004, 293]. Несомненно, в этом случае нужно учитывать и субкультуру, и мораль определенных социумов. В то же время мы должны руководствоваться нормами литературного языка. Например, если уголовник назвал другого уголовника *помойкой* или *шваброй*, – это будет оскорблением и в законопослушном обществе. Но в преступном мире эти слова являются очень сильными инвективами, т.е. говорящий, произносящий их, ставит оппонента на низшую ступень криминальной лестницы, нанося ему при этом страшное оскорбление. Этот факт должен принимать во внимание лингвокриминалист и пояснять при необходимости следователю мотив преступления, однако, если дело касается оскорбления, он должен учитывать, что общество живет по правилам законопослушных граждан, а не по законам криминальных групп. Поэтому он, на наш взгляд, может игнорировать утверждения истца о «смертельном оскорблении». В то же время известно, что ряд арготизмов перешел в общенародный язык (см. примеры: *лох*, *козел*, *шестерка* и проч.), сохранив при этом ярко выраженную негативную коннотацию. В этом случае мы должны учитывать, как воспринимает эти слова законопослушное население. Действительно, в современном общенародном языке данные лексемы имеют пейоративную окраску.

Трудность может возникнуть при определении характера вербального оскорбления, которое связано

с восприятием и неумышленным употреблением арготизмов. К примеру, законопослушный гражданин назвал профессионального уголовника *голубком* (от *голубой* – гомосексуалист), *акробатом* – пассивным гомосексуалистом, *парафином* – человеком, стоящим на низшей ступени криминальной лестницы, *опарафиненным*. В уголовной среде данные лексемы считаются явными оскорблениями, а в законопослушной они будут либо непонятными в определенном контексте, либо восприняты как общенародные.

Думается, что при написании ряда лингвистических экспертиз следует использовать исторический аспект. Например, исследователи–эксперты при анализе оскорбительных слов часто игнорируют диакронию, однако известно, что уже до революции у юристов было понятие оскорбительных слов, например, профессионал–инвектив, интеллект–инвектив, социоморальных инвектив, каламбур–инвектив, полит–инвектив, сакрал–инвективы. (Заметим, что термин *инвектива* войдет в речевой оборот лингвистов и юристов гораздо позже).

При судебных лингвистических экспертизах возникают вопросы, связанные с уточнением языкового характера товарного знака.

Иногда приходится решать вопросы, связанные с неправильной формулировкой в законодательстве.

Так, в законе РФ «О рекламе» имеется следующая информация, см. текст Статьи 7. Недостоверная реклама: «Недостоверной является реклама, в которой присутствуют не соответствующие действительности сведения, в отношении: ...использования терминов в превосходной степени, в том числе путем употребления «*самый*», «*только*», «*лучший*», «*абсолютный*», «*единственный*» и тому подобных, если их невозможно подтвердить документально». Но ведь они терминами не являются. И тем не менее эксперт–лингвист нашел выход из этой непростой ситуации, использовав следующий текст: «Выражение «термины в превосходной степени», употребленные в законе РФ «О рекламе» (см. выше текст Статьи 7. Недостоверная реклама) следует интерпретировать как слова, использованные в рекламе и имеющие общее значение «исключительности, превосходности, безусловности». Доказательством этого служат значения лексем, использованные в качестве иллюстрации в данном законе.

Главным объектом исследования лингвокриминалиста является *текст*. Под ним обычно понимается «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами ко-

торой являются связность и цельность» [Энциклопедия 1990, 507]. Как видно из определения, текстом можно считать и иллюстрации, и различного рода дорожные знаки, и условные знаки моряков и проч. То есть любую информацию, имеющую систему. Любой текст (а значит, и любая информация) появляются и существуют в определенном социально–культурном пространстве. Именно оно порождает информацию и определяет механизмы ее интерпретации. Заметим, что параметр времени для них является ключевым.

Далеко не последнюю очередь в лингвистической экспертизе играет *антураж* (франц. *entourage*) – среда, обстановка или окружение, обычно как объект изображения, декорация и т.п.

К сожалению, у нас мало исследований по антуражу статей, брошюр или книг. А его анализ обязателен для эксперта–лингвиста. Конечно, в большинстве своем он является дополнительным средством в лингвистической экспертизе, но иногда может сыграть и решающую роль.

Одной из задач лингвокриминалистики являются: ознакомление сотрудников судебно–правовой системы с методами и приемами толкования текстов, их интерпретацией, объяснение употребления языкового знака, установление авторства текста, выявление плагиата и др.

Юрист должен иметь понятие об основных лингвистических процессах, о которых может вестись речь в судебных экспертизах: тавтологии, плеоназме, метафоре, метонимии, лексическом значении, эвфемизме, типах речевых ошибок и т.д. Он должен хорошо знать те лингвистические термины, которые непосредственно касаются судебной лингвистической экспертизы и суда: *неприличная форма*; *негативная информация*; *обценная лексика*; *инвективная лексика* и др.

В настоящее время становятся действенными комплексные экспертизы, в которых принимают участие специалисты разных областей знаний. Особая роль в них должна отводиться лингвисту–эксперту. Так, при назначении сложной судебно–экономической экспертизы не обойдись без специальных языковых знаний, которые помогут установить личность писавшего документа, идентифицировать текст и проч. Между тем лингвистические вопросы в судебно–экономических экспертизах почти не рассматриваются [см., например, Ванаев 1999, 46] и возможная помощь языковедов еще остается невостребованной. Порой комплексные экспертизы, в которых должен участвовать лингвокриминалист, называют «нетрадиционными

судебно–психологическими» [Аврамцев 2004, 51].

Все судебные экспертизы криминалисты обычно делят на двенадцать классов: 1) криминалистические; 2) медицинские и психофизиологические; 3) инженерно–технические; 4) инженерно–транспортные; 5) инженерно–технологические; 6) экономические; 7) биологические; 8) почвоведческие; 9) сельскохозяйственные; 10) пищевых продуктов; 11) экологические; 12) искусствоведческие.

Как видим, лингвистическая экспертиза в криминалистике не выделяется в особую отрасль. Она входит в первый класс экспертиз криминалистических, который включает в себя три вида: А традиционные криминалистические, формирование которых относится в основном к периоду возникновения и становления судебных экспертиз; Б экспертизы, формировавшиеся в последние десятилетия XX века; В различные виды исследований материалов, веществ, изделий, выделяемые в самостоятельный род, также именуемые материаловедческими. К группе экспертиз А относятся: автороведческая; баллистическая; почерковедческая, портретная, технико–криминали-

стическая экспертиза документов; трассологическая; холодного оружия [см. Зинин, Майлис 2002, 54–59]. Как видим, в характеристике нет даже упоминания о лингвистической экспертизе. Автороведческая экспертиза юристами рассматривается лишь как один из разрядов криминалистической экспертизы. Данное «неравноправие» должно измениться, так как в настоящее время лингвистические вопросы, требующие разрешения в юриспруденции, становятся все актуальнее. Не исключено, что лингвистическая экспертиза сможет выделиться в самостоятельную отрасль, так как в ее понятие входят все экспертизы, связанные с текстом. При этом она должна объединять все экспертизы, так или иначе связанные с языком: автороведческую, почерковедческую, документационную, экспертизы, связанные с понятием чести и достоинства, об оскорблении и проч. Нам кажется, что сюда же можно привлечь и проверенные знания графологии.

Лингвокриминалистика как наука только оформляется, но, как показывает практика, ее востребованность в настоящее время огромна. ■

Литература:

1. Аврамцев В.В. Судебно–психологическая экспертиза в уголовном процессе: традиционные подходы и нетрадиционные аспекты: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2004. 94 с.
2. Ванаев С.Ю., Голубятников С.Л., Леханова Е.С., Тимченко В.А., Чих Н.В. Документальные проверки и судебно–экономические экспертизы по делам о налоговых преступлениях: Практическое пособие. Нижний Новгород: НЮИ МВД РФ, 1999. 87 с.
3. Лингвистическая экспертиза устной и письменной речи как источник судебных доказательств // Право и лингвистика // Материалы международной научно–практической конференции: В 2–х ч. Симферополь: ДОЛЯ, 2003. Ч. 2. С.15–22.
4. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 3–е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002. С.257–267.
5. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2–е, перераб. и доп. М.: Медведя, 2004. С. 289–298.
6. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза. Учебник. М.: Право и закон: Юрайт–Издат, 2002. 320 с.
7. Кравчук О.Н. Научные основы работы со звуковыми следами преступной деятельности. Автореферат дис. ... к.ю.н. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. 27 с.
8. Матвеева О.Н. Юрислингвистическое экспертное исследование: перспективы и пути совершенствования // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Материалы межрегионального научно–практического семинара. Москва, 7–8 декабря 2002 г. Часть 1 / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2002. С.51–55.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 507.